

ЕСТЬ лица, над которыми время как будто не властно. Обладатели их в тридцать выглядят юношами; в пятьдесят таким счастливым все еще не уступают место в автобусе; в семьдесят на их щеках вновь вспыхивает, уже закатный, румянец.

У Константина Алексеевича Зубарева не такое лицо. Открытое, бесхитрое, оно изборождено глубокими морщинами. А ему, Зубареву, в конце мая будет всего пятьдесят восемь.

— Наверное, война, Константин Алексеевич? Даже официально год за два шел.

— Так это кому как, — сдержанно улыбается он. — Если с производства ушли на фронт, тогда конечно. А нам, которые со школы призывались, война в производственный стаж не засчитывалась. Получается, вроде бы как продолжение ученичества.

Беспокойные руки его (не привык, видно, к «посиделкам») наконец утомнились, успокоились, устроившись уютной горкой на скатерти. И потек неторопливый рассказ о времени и о себе.

Город, в котором появился на свет Костя Зубарев, называется Спасском. Давным-давно, в тридцатых—сороковых годах четырнадцатого века много их, Спассков, появилось на Руси. Где укрылись от нашествия жители разоренных городов, тут и Спасск. Родиной Кости стал тот Спасск, что основался на излучине Оки и первыми жителями которого были беженцы сожженной Рязани.

По велению Зубаревым-детям: шестеро их, братьев и сестер, и все дожили до нынешних дней. И не повезло им: в тридцать третьем, через год после смерти мужа, умерла Татьяна Павловна, мать их.

— Если бы не старшая, Александра, пораскидало бы нас по детским домам. И за отца была нам, и за мать. И на учительницу сумела выучиться.

А старшей-то к тому времени едва 16 исполнилось...

А когда столько же стало Константину...

В их шумном и дружном доме любили бывать школьные друзья и подруги. В то солнечное воскресное утро (не над всей ли Россией тогда было светло?) одноклассники пристроились возле зубаревского дома и обсуждали важные мальчишеские дела. Из раскрытого окна доносились дребезжащие звуки «тарелки» — д и н а м и к а. Вдруг — затишье. «Передаем правительственное

сообщение». Голос Молотова... Война!

Что? Снова война? Как Халхин-Гол, как с белофиннами? Эх, значит опять не успеть им, подросткам, повоювать: начнется, да тут же и кончится...

Откуда им было знать, что эта война — самая трудная и страшная в истории страны, что и им, пацанам, доведется через полтора года надеть солдатские шинели и что до Победы доживут только двое мальчишек из их выпускного класса 43-го года.

Вскоре жители Спасска почувствовали дыхание приближающейся войны.

РАССКАЖИ, ВЕТЕРАН, О ВОЙНЕ

Школы были переоборудованы под госпитали, школьники учились в три смены в каком-то мало приспособленном к тому зданию. А ночами комсомольцы отправлялись на Оку — грузили на баржи зерно, картошку, морковь. Осенью стали копать оборонительные рубежи, устраивали лесные завалы.

— Лес-то ведь не как попало валили, а так, чтобы ни пехоте не пробраться, ни пушки не протащить. А для танков оставляли пенечки чуть больше метра, чтобы они брехом на них напарывались.

Веками выверенное средство от непрошенных гостей — лесные завалы. И пенечки эти издали идут. Не одна тысяча полонцев да татар позапуталась в них, не один табун неприятельских лошадей попереломал в них ноги да поперекалечил животы. И кто знает, возможно, эти последние завалы сыграли далеко не последнюю роль в том, что Спасск вновь оказался в спасенных — фашисты были остановлены в тридцати пяти километрах от него.

— Да, остановили-таки немца. А в городе все уж на узлах сидели, ждали команды к эвакуации. Впрочем, не все: комсомольцы уезжать не собирались, в военкомате на учете были. Случись что — кому в ополченцы идти, кому в партизаны.

Еще год относительно спокойной жизни выпал им, года рождения 1925-го. А едва наступил январь середины года войны, все мальчишки — десятиклассники получили повестки. А дальше помчались не месяцы даже, а дни строго повзросления Кости и его сверстников. Стрелково-пулеметное училище, пеший зимний марш до Уфы и, наконец, зенитно-артиллерийская дивизия резерва командования фронта.

— И стал я заряжающим 37-миллиметрового зенитного орудия. Это по бумагам заряжающий, а на деле — просто зенитчик.

Часть тем отличается от обычной строевой, что она всегда на колесах, всегда на ногах: чуть где завалуха, а тем более крупная операция — резерв сорвался с места. Новое место — новые траншеи, укрытия. Как-то подумалось: столько за два с половиной года этих траншей вырыть пришлось, что повези меня обратно да заставь их заравнивать — жизни бы, кажется, не хватило.

Страшная работа у зенитчиков. Представьте: армада бомбардировщиков «обрабатывает» передний край. Да что армада — десятка хватит, пятерки даже, чтобы все живое бросилось в укрытие, залегло и замерло. А зениткам в это время самая работа приспела.

— Сам-то когда под бомбежкой — и не замечаешь, потому как некогда бояться, надо дело делать. А со стороны глянуть... Однажды довелось мне в зрительях быть. Мы в очередной раз перебазировались тогда. А на станции Касторная, что в Курской области, застряли. Все пути эшелонами забиты. Не успели подумать — уже показался: заходит вдоль путей Ю-88. У него в лобовой части шесть пулеметов всобачено, и изо всех поливает. Мы-то сыпанули на обочину, а девчонки-зенитчицы — к своей 25-миллиметровочке. Схлестнулись — даже жутко стало: видно было, как немецкие пули по щитку пушечки щелкают, искры высекают... И завалили-таки девчонки его!

— А помните свой первый расчет, Константин Алексеевич?

— Как не помнить. Виктор Лучников, ярославец, горьковчанин Юрий Золотцев, Владимир Коротаев, сибиряк, земляк мой, с Рязанской области — Суязов... Вот только имя его запомнил...

Да, встретиться бы сейчас, потолковать, повспоминать вместе... А еще доброй памятью запомнился командир нашей батареи Егор Захарович Куц. Вот уж кто совсем не военный человек был. Грамотный, тактичный, вежливый, как приказывать чего, обязательно «пожалуйста» прибавит, а после, как выполнишь приказ, спасибо не забудет сказать. Из учителей он. Жаль, ранило его скоро, а после госпиталя так и не попал к нам Егор Захарович.

Такая у Константина Алексеевича была военная специальность, что вот так, грудь на грудь, с фашистами ему не приходилось драться.

— Но вы не думайте, что если резерв фронта — это тыл, тишь и спокойствие. На войне резервная

часть тем отличается от обычной строевой, что она всегда на колесах, всегда на ногах: чуть где завалуха, а тем более крупная операция — резерв сорвался с места. Новое место — новые траншеи, укрытия. Как-то подумалось: столько за два с половиной года этих траншей вырыть пришлось, что повези меня обратно да заставь их заравнивать — жизни бы, кажется, не хватило.

Страшная работа у зенитчиков. Представьте: армада бомбардировщиков «обрабатывает» передний край. Да что армада — десятка хватит, пятерки даже, чтобы все живое бросилось в укрытие, залегло и замерло. А зениткам в это время самая работа приспела.

— Сам-то когда под бомбежкой — и не замечаешь, потому как некогда бояться, надо дело делать. А со стороны глянуть... Однажды довелось мне в зрительях быть. Мы в очередной раз перебазировались тогда. А на станции Касторная, что в Курской области, застряли. Все пути эшелонами забиты. Не успели подумать — уже показался: заходит вдоль путей Ю-88. У него в лобовой части шесть пулеметов всобачено, и изо всех поливает. Мы-то сыпанули на обочину, а девчонки-зенитчицы — к своей 25-миллиметровочке. Схлестнулись — даже жутко стало: видно было, как немецкие пули по щитку пушечки щелкают, искры высекают... И завалили-таки девчонки его!

Длинные военные дороги, по которым прошагал и проехал Константин Алексеевич Зубарев. Украина и Румыния, Венгрия и Чехословакия, а после небольшого перерыва — Монголия и Маньчжурия.

— А перешли границу — воевали уже с единственной мыслью: скорее! Скорее, чтобы прекратить эту ненормальность, эти ужасы. Скорее, чтобы фашисты и их приспешники не натворили новых бед. Скорее, чтобы наступил мир на земле. Скорее, чтобы вернуться домой и начать работать.

Он не знал, как сложится его мирная жизнь. Не знал, что в Южно-Сахалинске встретится со своей будущей женой, не знал, что уже втроем, с сыном приедут в Магнитогорск и что Магнитка станет для него второй родиной, не думал, что доведется ему поработать на прославленном комбинате. В одном он был твердо уверен: мирная жизнь будет счастливой жизнью. Так оно, по большому счету, и оказалось.

Записал Н. ЯКШИН.

Владимир ЧУРИЛИН

СОЛДАТ

День поставил его над собой,
В облака устремив пьедесталы.
Он стоит, как Победа, большой,
Неподкупный, живой и усталый.

Он шагал сквозь кровавый туман,
Чтобы мир был прозрачным и синим,
Он прошел через множество стран,
Чтобы встать посередине России.

А вокруг — щебетанье синиц...
Он устал, но стоит не сутулясь.
Только черные тени глазниц,
Словно слезы, на скулы плеснулись.

Он был ранен, но крепок и смел,
Он мольбами врачей не тревожил
И при жизни заплакать не смел.
После смерти заплакал —
И ожил.

Были сутки длинные, как обмотки...
Те, кто выстоял в первом бою,
Заливали российской водкой
Всенародную горечь свою.

А потом в широченном размахе,
Не умея ни красть, ни копить,
Всей страной продавали рубахи,
Чтоб на выручку танки купить.

От всего отмахнувшись: «На кой мне!..»
Поднимался Иван, как медведь,
Лишь последнюю пулю в обойме
Оставлял, как заначку, на смерть.

И когда приходил по раненью,
В краткий отпуск великой войны,
Так по-русски не жаловал денег,
Словно сроду не знал им цены.

Как бы горько потом ни судили,
Вывод правильный только один:
Правда в том, что врага победили,
Правда в том, что всегда победим,
Правда в том, что от мирной походки
Перейдя на решительный шаг,
Мы порвали себе на обмотки
Перечеркнутый свастикой флаг.

Александр ПАВЛОВ

У дороги дом стоит,
в доме старый дед сидит.
Уложив ладони торкой,
он в окошечко глядит.

А у дома — молодой
с мудрой-мудрой бородой;
он в окошечко постукал:
— Пустишь, старый, на постой?

Дед рукою: — Заходи!
...И медали на груди.
— Что за праздник нынче, старый?
А в ответ: — Не бери!

У дороги дом стоит,
в доме старый дед сидит.
Раз в году по доброй воле
старый душу берedit.

Сквозь него прошла война,
память — красная цена.
А в глаза его заглянешь —
только Родина видна.

В ПУРГУ

Вдоль по тракту ехал трактор,
на салазках — теремок.
Отчего не ехать так-то? —
из трубы валил дымок.

Подсыпала завируха,
не видать вокруг ни зги.
В теремке — не затируха,
все при всем и пироги.

Подымал Ванюшка кружку:
— Ты солдат — и я солдат.
Вспомним армию-подружку,
вспомним сорок лет назад.

Пронеслись года, как ветер.
Эх, года, года, года,
пронеслись — и не заметил...
— Я-то помню сорок третий.
Да, сегодня — не тогда.

А в пещурке билось пламя,
ворожило по глазам.
Впереди за рычагами
парень песенку визал:
— Встану утром раным-рано
развесе-весе-весе!
Лев Толстой в рубашке драмой,
Лев Толстой, аля — и все!

Ехал трактор вдоль по тракту,
вдоль по зимнику и вдаль.
А чего не ехать так-то?
Хоть и праздник, а не жаль.

СЕГОДНЯ—ДЕНЬ РАДИО

Сегодня многотысячная армия связистов и работников радио нашей страны отмечает свой профессиональный праздник.

В коллективе ЦТД трудится много специалистов высокого класса. Среди них — электромонтер по обслуживанию промышленных телевизионных установок Анатолий Александрович Филатов. После окончания технического училища пришел он в этот цех. Неоднократный победитель в социалистическом соревновании, портрет которого помещен на цеховой доске Почета, А. А. Филатов носит высокое звание ударника коммунистического труда.

На снимке: Анатолий Александрович ФИЛАТОВ за работой.

Фото Н. Нестеренко.

